

МАРАТ ВАЛЕЕВ

Мамины записки

ВОСПОМИНАНИЯ РАИСЫ ВАЛЕЕВОЙ
(МУХАМЕТГАТИНОЙ)

Марат Валеев

**Мамины записки. Воспоминания
Райсы Валеевой (Мухаметгатиной)**

«Издательские решения»

Валеев М.

Мамины записки. Воспоминания Раисы Валеевой
(Мухаметгатиной) / М. Валеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903263-8

Николай Варсегов, газета «Комсомольская правда»: «Это повествование, как мне представляется, до конца прочтет всякий, кто пробежит хотя бы первые десять строк. Лично я, например, не мог оторваться. Удивительное произведение... и никаких сомнений, что все это так и было! Какое-то странное чувство, что я, очень-очень далекий от татарской культуры, каким-то престранным образом породнился с этой семьей... Спасибо авторам — Валееву и его маме!»

ISBN 978-5-44-903263-8

© Валеев М.

© Издательские решения

Содержание

Необходимое предисловие	6
Буран скрыл все следы	8
Шагом марш в колхоз!	9
Как нас раскулачивали	11
В погоню за бандитами	12
Первый раз в первый класс	13
Кто не работает – тот не ест	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мамины записки Воспоминания Раисы Валеевой (Мухаметгатиной)

Марат Валеев

© Марат Валеев, 2018

ISBN 978-5-4490-3263-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Необходимое предисловие

Это я надоумил написать нижеприведенные заметки свою маму, Валееву (в девичестве Мухаметгатину) Раису Каримовну. С детства помню, как она, не сдерживая слез, частенько рассказывала нам, своим детям, о том, сколько ей пришлось вынести во время коллективизации, войны, в послевоенное время. Сама она родом из Татарии, из деревни Старая Амзя Октябрьского (ныне – Нурлатского) района, где и происходили основные события ее воспоминаний.

Как-то я приехал к маме на юбилей в Хабаровский край, где она в то время жила в семье моей сестры Розы. Маме исполнилось 80, и хотя болячек к тому времени нахватала предостаточно, но по-прежнему была бодра, жизнерадостна. Однако как только дело коснулось воспоминаний – все, опять слезы, пожелания «никому не пережить такого». Вот тогда я и сказал: «Мама, а ты запиши свои воспоминания и пришли их мне. А я подумаю, что с ними можно сделать. И мама согласилась.

За два неполных года она исписала и прислала мне 29 общих школьных тетрадей. Я представляю, как непросто далась ей эта работа. Во-первых, образование у моей мамы – четыре класса татарской школы (больше закончить не успела – в 1938 году вся мамина семья бежала из своей деревни от страшного голода в Баку, а там уже было не до учебы, надо было работать, и русскую грамоту она освоила самостоятельно). А во-вторых – все же возраст... Вот тут ей было плохо, видно по тому, как почерк изменился. Вот здесь она всплакнула, и строчки расплылись под ее слезами. Но она сделала это – написала свои воспоминания, и заново пережила всю свою жизнь в этих 29 тетрадках. А я потом переработал их, и получилась самиздатовская книжка с немудреным, но емким названием «...Не поле перейти» объемом в 62 странички и с 40 главками, в которые уместилась ее вся такая бесхитростная и в то же время очень непростая жизнь, которую я и подарил ей на очередной день ее рождения.

Она не героиня, моя мама. Она простая российско-татарская, женщина, на долю которой, как и на долю миллионов ее сверстниц, выпало много тягот и лишений. А в «награду» ей долго не хотели засчитывать в пенсионный стаж ее колхозный период, тяжкий труд на мобилизационных работах. Но справедливость все же восторжествовала, и моя мама официально была признана ветераном ВОВ и награждена рядом медалей.

Она немного не дожила до 65-летия Великой Победы и до своего 85-летия, скончавшись 20 апреля 2010 года...

А в 2013 году я выставил «Мамины заметки» на литературный конкурс газеты «Комсомольская правда» «Так было». Вот как предварили их опубликование координаторы конкурса, известные журналисты «Комсомольской правды»

Наталия Грачева:

«Мы начинаем публикацию замечательной работы, достойной того, чтобы выйти с продолжением. Думаю, она может служить образцом для наших будущих авторов – произведения такого уровня всегда будут пропускаться вперед. Хотя в отношении размера мы на этот раз делаем исключение. Просто записки эти охватывают весь советский период, давая яркий правильный старт нашим изысканиям»;

Николай Варсегов:

«Это повествование, как мне представляется, до конца прочтет всякий, кто пробежит хотя бы первые десять строк. Лично я, например, не мог оторваться. Удивительное произведение: без образов, без эмоций... Только голая событийная хроника – и никаких сомнений, что все это так и было!

Какое-то странное чувство, что я, очень-очень далекий от татарской культуры, каким-то престранным образом породнился с этой семьей... Спасибо авторам – Валееву и его маме!»

Мне же, в свою очередь, остается сказать спасибо всем читателям КП, членам жюри конкурса, тепло встретившим «Мамины записки» и проголосовавшим за них: мы с мамой в 2014 году победили на этом конкурсе! Жаль очень, что она этого уже никогда не узнает. И пусть эта небольшая книга с ее воспоминаниями о тяжелом детстве в пору коллективизации и трудной, полной лишений и испытаний юности в период Великой Отечественной войны послужит памятью о ней и многих тысячах ее сверстников, оказавшихся на гребне событий те далекие 30-40-х годы в сложной истории нашей страны.

*Марат Валеев,
член Союза российских писателей
г. Красноярск.*

Буран скрыл все следы

Я начинаю свои воспоминания с 1930 года. Мы жили в деревне Старая Амзя Тельманского района (потом – Октябрьского) Татарстана. Нас, детей, у мамы с папой было пятеро, и мама ходила еще и с шестым ребенком. Я часто слышала, как родители разговаривали шепотом, что скоро у всех все будут забирать». Тогда я впервые услышала это трудное слово «коллективизация». Папа у нас был очень работающим и хозяйственным, и потому мы никогда не знали, что такое нужда. У нас дома было четыре лошади и два жеребенка, три дойных коровы, два больших уже теленка и здоровенный племенной бык, много овец (я даже не знаю, сколько), полный двор птиц – гусей, уток и кур, были и ульи с пчелами. У нас было два дома, один старый, в котором была папина мастерская, где он столярничал, и большой пятистенник, в котором мы и жили, а также два двора со всякими хозяйственными постройками. Под навесом у нас, кроме рабочей телеги и саней, стоял выездной лакированный фаэтон, который еще с французской войны привез мой прапрадед, и когда папа выезжал куда-то по делам, то на дуге фаэтона весело звенели медные колокольчики.

И вот мы как-то сели ужинать, и тут в дверь начали стучать. Залаяла собака, четверо людей с оружием приказали убрать ее, а то, сказали, застрелим. Папа закрыл собаку в сарае. В дом вошли трое русских милиционеров или солдат, и с ними татарин-переводчик. Папу стали расспрашивать, как его зовут, сколько у него всего скота в хозяйстве. Папа ответил, что зовут его Карим Мухаметгатин, назвал, сколько у нас есть лошадей, коров и всего остального.

Ему наказали никуда ничего не девать, сказали, что все забирать у нас не будут, так как у нас семья большая (к тому времени у нас родился еще и братик Анварчик). А папе сказали, что поручат работать на колхоз, потому что он мужчина крепкий, хозяйственный.

Потом все вместе пошли во двор. Когда папа вернулся, то сказал, что записали и посчитали не все. Переводчик шепнул ему, чтобы папа за ночь прибрал для себя птицы и баранов столько, сколько надо, только чтобы следов не было. И папа той же ночью тайком зарезал штук пять своих овец, а также несколько уток и гусей, чтобы нам было, что зимой покушать. Как раз начался сильный буран, отец обрадовался, потому что снег повалил очень густой. Он запряг лошадь, мы все – мама, моя старшая сестра и я, помогли отцу загрузить всю забитую живность в плетеную кошевку. Было уже два часа ночи (мама посмотрела на большие часы с кукушкой, которые у нас висели в гостиной), когда папа выехал со двора. Мы тихо проехали через переулки к речке, а там по заснеженному льду – к водяной мельнице. Там работали и жили папины знакомые, бедные люди, у них было всего несколько коз. Папа их разбудил, поговорил с ними, и мы все вместе перетаскали бараньи туши и мешки с забитой птицей на мельницу, и спрятали там, чтобы они замерзли. В эту ночь папа еще раз съездил на мельницу, увез туда и спрятал еще и семь мешков зерна. А буран занес все следы от саней. Так папа обеспечил свою большую семью на зиму.

А скоро у нас сильно заболел маленький Анварчик, грудь у мамы не брал, все захлебывался. Он умер за одну ночь, ему не было и восьми месяцев. Когда папа быстро запряг коня и хотел ехать за помощью, его остановили на улице военные и заставили вернуться домой (перед этим, оказывается, от них сбежал переводчик, а до этого папа дал ему на всякий случай адрес своего брата в Джелалабаде, вот, может, он туда и уехал). Анварчика завернули в одеяльце, над ним прокричали азат, все поцеловали его по очереди в последний раз, и папа с дядей Закиром и племянником отнесли его на кладбище и похоронили по мусульманскому обычаю. И пока хоронили, над ними стояли военные, смотрели, в самом ли деле они хоронят ребенка или что-то прячут в могилу.

Шагом марш в колхоз!

Скоро папа и старшая сестра стали ходить на работу в колхоз. Они и другие, кого записали в колхоз, строили ферму для дойных коров и загоны для лошадей. А для кошар и птичника материала у них не было, и потому овец и птицу пока под отчет оставляли у хозяев. И так незаметно наступил новый 1931 год.

Ближе к весне в одно из воскресений в мечети назначили общее собрание. На него пошли папа с мамой и старшая сестра Асия. Их не было до самого вечера. Первой пришла мама, вся измученная и заплаканная, затем и папа. И мы узнали, что в этот день из нашей деревни в район увезли 47 человек – тех, кто отказался записаться в колхоз. Мама нам еще рассказала, что папу предложили в бригады строителей, и за него все голосовали. Потому что все знали, какой он грамотный и спокойный человек и на все руки мастер. Папа знал русскую грамоту, еще до революции учился у одной русской семьи. Во время революции и гражданской войны он служил с 1917 по 1921 год, строил в Сарапуле бетонный мост через реку. Как он рассказывал, всего их занято на этом мосту было 27 солдат, а однажды их очень сильно обстреляли из пулемета белые, и тогда 18 человек из них убили, а папе прострелили шапку. Мост этот они сдали этот за год и восемь месяцев – в два раза быстрее, чем планировалось, за это папу даже наградили какой-то медалью. И потому папа наш был уважаемым человеком. Сделали колхозными начальниками и двух маминых братьев – Сагдиевых Сахибуддина и Сайфетдина.

Маме и другим женщинам деревни дали задание стричь своих овец и сдавать в колхоз шерсть. Ее принимала и взвешивала на весах одна девочка. Мама спросила, откуда она. Та ответила, что из деревни Курняле. Мама сказала, что они знали оттуда одного татарина-переводчика. Та девочка сказала, что это ее двоюродный брат. Он вернулся из армии, и его заставили быть переводчиком и наводить советскую власть в деревнях. Люди его невзлюбили и сожгли все хозяйство его семьи. Он куда-то исчез, а его маму его с горя парализовало.

Мы помогли маме остричь 13 овец, а когда к нам приехали за шерстью – получилось почти три полных мешка, – нам один неполный мешок оставили. Сказали, что семья у нас большая, самим пригодится. Папа вечером вернулся с работы и сказал, что им, бригадирам, разрешили на работу ездить на своих лошадях, оставят по одной под расписку, а остальные заберут в колхоз. Папа же между делом еще успел зарезать и спрятать в разных местах (опять на мельнице, а также у своей бедной двоюродной сестры Хадичы) 12 баранов, так как боялся за семью, что всем придется голодом сидеть. И не зря боялся, потому что по всей деревне рыскали милиционеры и искали, где люди могли припрятать мясо или зерно. Даже подозрительные сугробы раскапывали или протыкали штыками. Но наше так ничего и не нашли. А когда мама начинала плакать, дескать, что же это такое, свое добро приходится прятать, а еще грозятся скоро все мечети закрыть и запретить молиться, папа ей говорил: «Хватит, вся Россия в таком положении. Для того и делали революцию, чтобы не было баев да купцов, чтобы все жили одинаково. Надо привыкать, раз такой закон пошел. А кто будет честно работать на колхоз, на семью будут давать 25 соток земли, а у кого 5 и больше детей, еще 10 соток добавят. За каждый отработанный день будут записывать на человека 1 трудодень, и на каждый трудодень будут давать по одному килограмму зерна. Кто будет хорошо работать, проживет. А кто против колхоза пойдет, того в Сибирь отправят, потому что города в России голодают, надо кормить рабочих. Я в Сибирь не хочу, так что буду работать на колхоз».

Сестра Асия, которой скоро надо было пойти работать на ферму дояркой, заплакала и сказала, что не хочет работать на городских. Надо было уехать в теплые края, сказала она, как трое наших дядей (а они еще в двадцатые годы уехали в Джелалабад и Баку за хорошей жизнью). Мама отругала ее и наказала, чтобы она ничего такого не говорила на работе, а сама

на всякий случай спрятала подальше Коран и молитвенные книги, так как до нее дошло, что новые власти грозили наказывать верующих.

Как нас раскулачивали

Снова пришла весна. Уже закапало с крыш, на улицах стало грязно. Как-то папа приехал с работы и сказал, что ферма построена, и для нее вот-вот должны забрать скот у тех, у кого все описали, в том числе и у нас. И скоро к нам домой поздно вечером пришли шестеро – четверо военных и двое наших деревенских, братья из самой бедной семьи, в которой было 9 детей. Они жили на самом отшибе, у них дома не было даже забора, вот так они жили, без всякого своего хозяйства, всегда пасли чужой скот. А сейчас пришли забирать наше.

Один из братьев, его звали Муксин, потянул на себя с нас, маленьких, одеяло (мы, дети, все спали вместе на деревянных полатах под одним большим одеялом). Папа спросил, зачем он это делает? Муксин сказал, что теперь у них праздник, потому что они первыми записались в колхоз, и почему его дети должны спать почти голыми? А его брат, у него в руках было ружье со штыком, увидел на вешалке папину каракулеву папаху – ее папе прислали из Джелалабада в 1930 году братья, а нам – детские пальто и летнюю обувь. Он прямо штыком подцепил эту папаху, снял с себя свою старую дырявую шапку и бросил ее под ноги, и надел папаху. Кроме того, у нас забрали из дома часы с кукушкой, один из трех самоваров, две перьевые подушки, фетровые «чесанки» с лакированными головками и галошами, пальто с каракулевым воротником, еще что-то, я все не помню. Все это связали в узлы, папа запряг лошадь, и они повезли наше добро в колхозную контору. Когда папа вернулся, то сообщил: завтра будут забирать в колхоз коров и лошадей, а маленьких телят и баранов оставят до лета, потому что для них пока нет места. И я случайно увидела, как папа, когда вечером вышел управляться по двору, обнял Звездочку за шею и молча плакал. Потом он пошел на колхозное собрание, с которого вернулся уже поздно вечером. После ужина он рассказал, что ему поручили отвечать за кузницу и две мельницы – водяную и ветряную. Мама испугалась: «Как же ты один будешь на трех работах?» «Да ничего страшного, – сказал папа. – Как-нибудь справлюсь». А Асия рассказала мне потом, что за папу голосовала вся деревня, а председатели колхоза и райисполкома поздравили его.

Папа так же объявил, что земли у нас теперь тоже нет, и надо сдать в колхоз вместе с лошадьми, кроме его любимой Звездочки, всю сбрую, фаэтон, телегу, кошевку и сани. И когда к нам пришли за лошадьми и уводили их со двора, а я закрыла за ними ворота, Звездочка словно сдурела, стала бросаться на закрытые ворота, на всех, кого видела во дворе, меня загнала на крыльцо. Когда мама протянула ей кусок хлеба, чтобы успокоить ее, Звездочка со злостью кинула хлеб через себя назад. Вот так тяжело перенесла она расставание с другими лошадьми. Все дома плакали, даже папа не смог удержать слез. Звездочка же скоро успокоилась, потому что с ней в деннике оставался ее жеребенок.

Потом началась работа в колхозе, папа и сыновья тети Васили Исах и Ильяз пропадали там целыми днями. Даже мы, маленькие еще дети, пилили дома доски для коровника. А скоро к нам в Амзю приехала учительница из соседней деревни Альметьево с трехлетней дочерью. В мечети открыли татарскую школу на четыре класса. В начале мая у меня появилась еще одна сестренка, ее назвали Разия. Все были рады, кроме моей старшей сестры Асии. Она сказала: «Господи, зачем же столько детей в наше время? Землю забрали, скот забрали, мама работать не сможет, придется нам вдвоем с отцом кормить целых восемь душ».

В погоню за бандитами

Мы готовились отпраздновать сороковой день рождения моей младшей сестренки Разии (это день, когда по мусульманскому обычаю можно впервые постричь первые волосы у новорожденного ребенка и его уже можно показывать не только родным, но и посторонним людям) и по этому поводу истопили баню, назвали гостей, наварили, напекли и нажарили много вкусных вещей. Приехавшие к нам в гости Сайфуддин-абый и Сахиб мылись в бане, и вдруг во дворе залаяла собака. Оказывается, это пришел колхозный бригадир. Он был очень взволнованный и спросил, где наши мужчины. Бригадир сообщил, что цыгане убили двоих сторожей и угнали колхозных коней и сейчас надо взять в конторе оружие и ехать за ними в погоню. Папа с мокрыми еще после бани дядьями взнуздали лошадей и поехали в контору. Мы все перепугались, заплакали, мама и бабушка стали молиться, чтобы все вернулись живыми и здоровыми. На улице стало уже совсем темно. Мы накормили всех маленьких и уложили спать. Потом и сами попили чаю. А папы с дядьями все не было. Но вот от ворот послышался его голос. Он весело кричал, чтобы мы открыли ворота. И папа вместе с со своими братьями въехали во двор, уставшие и веселые. Папа сказал, что воров догнали уже в 15 километрах от деревни, глубоко в лесу, и поймали, одного он ранил в ногу, потому что тот хотел стрелять в него. И это были вовсе не цыгане, а шестеро мужчин лет 30—35 из чувашской деревни Селенгуш, все с привязанными бородами.

Воров закрыли в подвале у Амирхановых до приезда милиционеров из Нурлата. Утром за папой опять пришли из конторы, потому что приехала милиция на машине, и его там расспрашивали, как они ловили воров. В тот же день нам и дяде Закиру пришли извещения на посылку из Желалабада, от троих папиных братьев – папа им написал, что нас раскулачили, вот они, наверное, и прислали нам помощь. За посылками они поехали в Нурлат на милицеевской машине – воров повезли туда, и папа попросился доехать на почту. Посылка была очень большая, и чего там только не было: сладости всякие, лимоны, много коробок с чаем, сушеные фрукты, одеяла, одежда, обувь, платья, платки. Потом папа рассказал, что когда они проезжали через эту чувашскую деревню Селенгуш, у них на дороге стали человек 30, все с кольями, кирпичами, а у двоих даже ружья были. Они хотели отбить своих односельчан, милиционеры начали стрелять в воздух из винтовок, и все разбежались.

Скоро бригадир прислал нам печника с помощником, и они выложили в папиной мастерской большую печь для выпечки хлеба в колхозную столовую. Еще через несколько дней в конторе провели колхозное собрание, на котором был и районный прокурор. Папе дали премию в сто рублей, бумагу на корову с теленком и еще наградили часами. Это за то, что наша собака, которую папа взял с собой, когда они погнались за ворами, взяла их след и привела к ним, и за папину храбрость. Мама не очень обрадовалась этому. Она заплакала и сказала папе, что теперь он у председателя и районного начальства будет как бы свой человек, а это в деревне не всем понравится. Папа успокоил ее и сказал, что он жил и будет жить честно, а кому это не нравится – их дело. Скоро нам привезли для выпечки хлеба первых два мешка муки, соль и дрожжи, трехлитровую банку с подсолнечным маслом. Папа смастерил одиннадцать круглых форм для хлеба, и мы с мамой начали выпекать для колхоза хлеб.

Первый раз в первый класс

А колхоз уже вовсю работал. Доили коров, папа как бригадир молоко принимал и отправлял на сепаратор. Каждое утро специально выделенная машина с вооруженным охранником ездила по всем окрестным деревням – Альметьево, Новая Амзя, Русская Амзя, забирала сливки во флягах и увозила на маслозавод в Селенгуш. Там делали масло, творог и отправляли в Чистополь. Всех собранных у людей птиц – уток, гусей, кур отвезли в чувашскую деревню Турдалуф, там есть озера, вот там и построили птицеферму. А все, кто смотрел за птицей (туда отправили и мою 14-летнюю сестру Асию) жили там же, в специально построенном общежитии. Всего там работали 37 человек из нашей деревни. Мама для всего колхоза дома пекла хлеб, я ей помогала – смазывала формы, растапливала печь. За день мы делали по две выпечки хлеба. И нам в день на двоих выписывали 5,5 трудодней – полтора на меня, остальные на маму. Папа молот муку, дробил зерно на корм скоту.

Первого сентября 1932 года я пошла в школу (24 июля мне исполнилось шесть лет). У меня был красивый ранец, который мне прислали из Джелалабада наши родственники, на мне было красивое платье, в косах – красная лента, голову я повязала шелковой косынкой. Школа была в бывшем байском доме, на первом этаже – детский сад, куда я отвела наших троих малышей, а классы – на втором этаже, куда я и поднялась. Там стояли большие столы, скамейки, за которыми сидели много детей, некоторые были совсем большими – по 10—12 лет. Дети стали смеяться, когда меня увидели, такую маленькую. Рассмеялась и учительница. Это была двоюродная сестра моей мамы Марфуга-апа, она приехала из Казани.

«Как тебя зовут?» – спросила она, не переставая улыбаться. «Вы что, меня не помните? – обиделась я. – Вы в прошлом году гостили у нас, у вас еще две девочки-двойняшки, и я с ними нянчилась, когда вы ходили по гостям. Я помню, как их зовут – Рева и Люция».

«Конечно, я тебя помню, ты же моя племянница, – сказала учительница. – Но дело в том, что тебе еще рано в школу. Вот сколько тебе лет?» Я ответила: «6 лет». «Ну вот, ты еще совсем маленькая, иди домой». «Но я умею считать, писать и читать, меня папа научил», – продолжала я настаивать. «Нет, тебе еще рано», – сказала она и отвернулась к доске и что-то стала писать мелом.

Я вернулась домой вся в слезах. Папа как раз приехал с работы на обед. Он выслушал меня и даже не стал кушать, а сел на лошадь и поехал к директору школы Юнису-абый, который был его двоюродным братом. Его не было долго. Вернулся папа довольным. И пока мыл руки, сказал мне, что завтра я могу идти в школу – директор и учительница согласились принять не только меня, но и других моих сверстниц, которым не исполнилось еще семи лет – Гаршию, Минжамал, Гульжамал и Запару. Нас посадят за самую первую парту. Я от радости стала прыгать и смеяться.

Тетрадок у нас в первый год не было, и учительница на каждый урок давала всем по одному чистому листку бумаги: на первой странице мы писали то, что проходили в школе, на второй выполняли домашнее задание, а потом все эти страницы сшивали. Нас было восемнадцать учеников в этой новой советской школе, и учились мы на татарском языке, писали латинским шрифтом. А до этого дети учились в мечети, у муллы.

Кто не работает – тот не ест

Дома я также продолжала помогать маме во всем. Отводила и приводила детей из садика, смазывала маслом формы для хлеба, пригоняла с пастбищ гусей и уток, встречала корову с теленком и овец, которых нам оставил колхоз, готовила и накрывала на стол. Начинались холода, и я вязала вместе с мамой теплые вещи: кофты, носки, варежки. Овощи с огорода начали снимать уже только в октябре, до этого они продолжали зреть, накрытые соломой. А в колхозе тоже созрел урожай, но он мог пропасть, потому что многие женщины не хотели идти работать ни в поле, ни в огород. Сахибутдин-абый жаловался, что добросовестно работают только несколько человек, никто не думает, как колхоз будет зимовать без хлеба, сена, соломы. Многие доярки по вечерам стали по полведра молока домой таскать, и бригадир стал караулить таких и урезать им трудовни. А вот все, кто был в колхозе от нашей семьи, трудились хорошо, нормы перевыполняли.

Потом мы первый раз в жизни отметили Октябрьский праздник. Учительница дала нам всем переписать слова песни, которую мы будем петь 7 ноября. Мы выучили эти слова (уже не помню, какие), а в праздничный день с флажками, распевая выученную песню, прошли мимо правления колхоза, где собрались взрослые и выступали с трибуны, и мы вместе с ними кричали «Ура!» Потом мы пошли опять в школу, и у нас там был праздничный обед – в столовой давали пирожки с мясом, по 4 конфетки и 4 печеньки. Я с чаем съела только одну конфету, все остальные отнесла домой, маленьким.

Потом наступили и новогодние праздники. Я и все школьники, а также кто в детский сад-ясли ходил, в первый раз в жизни увидели елку, обвешанную красивыми игрушками. Мы все подготовили концерт: учили стихи, песни, репетировали танцы. И папа утром отвез нас всех на елку. Там было весело, мы все выступали, потом нам раздали подарки, и мы ушли на каникулы. Так мы встретили 1932 год. Задули сильные ветры, и папа стал сутками пропадать на ветряной мельнице. Там ему помогали два брата-близнеца Петька и Митька, русские, но татарски говорили чисто.

В колхозе подсчитали, кто сколько заработал. Оказалось, что на троих работников в нашей семье на заработанные трудовни начислили почти тридцать центнеров пшеницы, ржи, гороха, овса, подсолнечных семян, 2 проса, а еще капусту, лук, конопляное семя. Бригадир Сахибутдин-абый сказал также, что тем, кто особенно хорошо работал, дадут еще и подарки, список уже отправили в район. «А это тебе, Райса, за то, что хорошо учишься и маме во всем помогаешь». Он протянул мне пакет и еще дал деньги, 10 рублей. Деньги я сразу отдала маме. А в пакете были красивые туфли и чулки. Скоро все, что мы заработали, к нам привезли домой на двух санях и разгрузили в амбар.

Папа был очень доволен. «Те, кто ленился, не верил, что в колхозе заплатят за работу, даже центнера не заработали, – сказал он. – А нам всего этого добра хватит до следующего нового урожая».

Этой же зимой в нашей школе стали учить и взрослых. Потому что в деревне у нас было еще много неграмотных, или таких, кто умел писать только по-арабски. По колхозу был приказ, чтобы для взрослых каждый день в школе было по два получасовых урока. Маме тоже надо было идти в школу. Она расстроилась: «Куда я пойду, у меня же грудной ребенок». И на семейном совете, решили, что маму учить буду я, дома. А в школу нам после зимних каникул привезли из Чистополя уже настоящие парты. Сидели мы за ними по четыре ученика. Со мной за партой сидели Сайфутдинова Гаршия, близняжки Габдулова Минжамал и Габдулова Гульжамал.

Папа перестал молотить зерно на ветряной мельнице, потому что ветры стихли, и перешел работать на водяную мельницу. А мы в школе стали готовиться к другому празднику – Дню

Красной Армии. Учили стихи и песни, как красноармейцы победили белогвардейцев и освободили бедняков от буржуев и бедняков – по два куплета на шесть учеников.

В эти дни пришло письмо от папиного брата Габдуллы из Баку, с фотокарточками. Когда папа прочитал его, оказалось, что Габдулла-абый зовет нас всех жить в Азербайджан – можно жить хоть в самом Баку, хоть в 40 километрах от города, у дяди Хади, он тоже туда с семьей переехал. Папа заикнулся было, что он один поедет туда на заработки. Но мама сказала, что пусть он сначала сразу нас всех похоронит, а потом едет – хоть в Баку, хотя за Баку. И она это так сказала, что папа тут же порвал письмо и бросил его в печку – она как раз топилась, – и сказал, что проживем и так: зерна до нового урожая хватит, картошки много, овец зимой на мясо пустим, а бычка продадим и к весне детям обувь купим. А мама вздохнула и сказала: «А сами так и будем все лето в лаптях ходить» (и в тридцатые, а затем и в сороковые годы у нас все еще ходили в лаптях). Папа же сказал, что братья пришлют скоро посылки из Азербайджана, и там будет все, что нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.